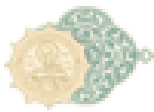

*В.М. Чернышев,
кандидат богословия,
преподаватель КДАиС*

Неорелигии в украинском социуме

Современный мир является свидетелем и участником особого метаисторического акта, который призван сыграть роковую роль в судьбах всего человечества. Речь идет об окончательном формировании последней мировой религии — глобальной, всеобъемлющей, призванной осуществить в себе все чаяния прогрессивного человечества, какой видится она ее провозвестникам. — речь идет именно о “последней мировой”. Конечно, можно назвать эту религиозную конструкцию иначе, но останемся в предложенной терминологии Единственная отрасль, столетиями изучающая эту проблему, — христианская эсхатология, и через призму ее миропонимания данное название представляется оптимальным и соответствующим действительности. .

То, что религия является стержнем любой культуры или цивилизации, достойных звания “мировых”, — исторический факт, не требующий доказательств. Но новая религия, о которой идет речь, представляет собой культуру, преобразованную в религию, а точнее, современную культуру, преобразованную в современную, соответствующую ей религию. Эта религия призвана, в определенном смысле, оправдать современную культуру, оправдать присущие ей философию, мораль, духовные ценности. В данном случае происходит обратный естественному историческому развитию процесс, и на

его фоне классическое определение мировых религий как “культурно-образующих” теряет свой утвержденный временем смысл, — история как бы “поворачивает вспять”.

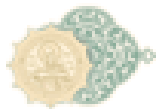
Предполагается, что в отличие от традиционных религий (внешне обособленных от общих социально-политических и общекультурных аспектов мировой жизни), эта религия синтезирует в себе все сферы человеческого существования, примирив их прежде непримиримые разногласия, стерев при этом грани региональной и этнической разобщенности мирового сообщества.

Подобное можно было бы приветствовать, но только ответив на один каверзный вопрос: синтезирует в чем?

Только последние несколько столетий, начиная с Французской революции, социальные и политические потрясения в сознании масс уже не воспринимаются в связи с проблемами религиозного плана. Но это только для внешнего наблюдателя. При более глубоком исследовании обнаруживается совершенно обратная картина. Общественные метаморфозы всегда являлись лишь следствием более глубоких процессов, касающихся духовной жизни и во всей полноте проявляющих себя в религии. Об этом однозначно говорит опыт истории. Вся мировая история — это история религий и связанных с ними войн. Так было всегда, но ввиду наследия постсоветского мышления нужно отметить: безосновательно думать, что какие-то 80 лет советской власти положили конец естественному историческому ходу.

В современности религиозная подоплека развития мировой истории несколько не утратила своего основополагающего значения. Более того, именно последнее столетие обозначило особую роль религии в обществе, обнажив все уродство жизни без нее; это остается наглядным примером и сегодня. Именно прошлый атеистический век обозначил и пик бесконечной борьбы титанов мировых религий и порожденных ими культур, разворачивающейся на мировой сцене.

Борьба утвержденной апостолами Церкви и ее противников не просто продолжается, она входит в свою решающую, возможно,

конечную фазу. Дни или тысячелетия впереди — никто не знает, но процесс идет, его критическая масса, как в реакторе, нарастает в духовных недрах мировой жизни, лишь временами проявляя себя различными катаклизмами

Но мир входит в особую фазу своего бытия. Можно утверждать, что наиболее значимые процессы, происходящие во всех сферах мировой жизни (политические тенденции, социальные проекты, научные изыскания, деятельность мирового сообщества и, несомненно, процесс глобализации) имеют отношение к указанному событию мировой религиозной истории. Более того, логично предположить, что именно процесс глобализации и является продуманной системой формирования политической и социальной основы глобальной религии, исходя, как минимум, из их смысловой общности. Сама идея глобализации — порождение исключительно религиозного миропонимания, пусть и не всегда осознанного ее проводниками.

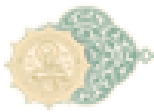
Обозначенные тенденции неизбежно отражаются и будут отражаться на процессах мировой политики, что может через определенное время закономерно привести к мировой теократии. Синтез же политической и религиозной власти, основанный на заведомо ложной религии, означает не только эскалацию заблуждений и предел возможного порабощения человеческой личности, но и прямую передачу человечеством рычагов управления непосредственным творцам мирового зла.

Мир готов двинуться навстречу своему призрачному счастью. Мировое сознание уже способно воспринять тех, кто несет этот “дар” страждущему человечеству, ибо даже “божества” этой религии уже определились. Кроме одного — “верховного”, который точно определен лишь эсхатологическими откровениями христианства...

Сегодня все происходит следующим образом.

— формирование мировой религии осуществляется силами мирового сектантства;

— процесс глобализации осуществляется силами мирового сообщества, в частности ООН, при благосклонности политиков, с помо-

щью инвестиций крупнейших финансовых корпораций и при мощной поддержке ученого мира.

Но именно сектантство как духовный институт является непосредственным представителем сил, действительно стоящих у руля мировой политики. Сегодня именно оно становится духовным лидером мирового сообщества, стражем его морали, в то время как последнее, активно включая в свои ряды идеологов и адептов сектантства, усваивает себе их идеологию.

Все кардинально меняется: секты становятся мировой религией, богооткровенная религия превращается в сознании этого мира в закрытую секту...

Уже в 1992 г. на Парламентской ассамблее Совета Европы была высказана обеспокоенность эскалацией активности сект и иных так называемых неформальных образований. По этому поводу была создана и опубликована специальная Рекомендация № 1178 относительно сект и новых религиозных движений.

Но за последние годы активность сект катастрофически возросла: мутный поток сектантства буквально захлестнул страны СНГ, и в первую очередь Украину.

Эта духовная агрессия неуклонно растет, приобретая все более изощренные и опасные формы. Сегодня она нацелена уже не только на отдельных граждан, но на реальное вмешательство в государственное устройство в целом. Интеграция во все сферы государственного бытия ее проводников и идеологов, прикрывающихся гуманистическими лозунгами, идет широким фронтом. Особо пристально их внимание направлено на педагогику, науку и культуру, т. е. на такие области, которые являются жизненно важными, определяющими уклад жизни страны. Существенное влияние идеологов сектантства на политические и социальные процессы — уже факт: непредвзятый анализ их деятельности и декларируемых ими целей явно указывают на попытки серьезно реформировать всю общественную жизнь.

Это касается всего пространства СНГ. Но, как уже было отмечено выше, в последние годы особым вниманием деструктивных сил

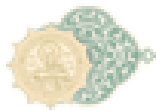
была оделена Украина, где, как и во всем мире, на первый план вышли провозвестники “новой культуры” — New Age.

Наиболее опасное в этом процессе — объединение разнородных сектантских образований и последующий союз структур государственного управления или их представителей с членами этого конгломерата деструктивных сил. Что, по объективным данным, и происходит...

Слово “секта” даже звучит, как удар бича. Трудно представить, сколько немислимых трагедий скрывается за этим коротким определением. Сколько истерзанных душ, изуродованных судеб, незаживающих духовных ран. Люди, прошедшие огонь и воду, вдруг становятся беспомощны, как дети, теряя своих близких в этой адской пропасти. Не действуют ни уговоры, ни угрозы... Будто какой-то мясник варварски разделяет родные души. Вместо жизни — пустые глазницы, вместо разума — набор пустых фраз, вместо личности — марионетка, хотя, порой, и очень красивая... Происходит полная переоценка ценностей: в самом сокровенном оказывается изуверская пошлость, в том, что казалось незыблемым, — пустота. В сектантстве, как в кривом зеркале, отражается болезненная гримаса современного мира, все грани его искаженного бытия.

В сущности, секта — это обособившаяся от любой доминирующей общественной формации и ее идеологии группа лиц. От какой и почему — это уже частный вопрос. В более узком смысле, секта — это духовное течение, альтернативное традиционной религии. А в еще более узком — альтернатива подлинной канонической Церкви.

В определенном ракурсе под сектой можно понимать противопоставление обществу, его мировоззрению, морали, что, учитывая современное состояние самого общества, казалось бы, ничего особо худого собой не должно представлять. Но в действительности именно здесь находится форпост бесконечной борьбы за человеческие души. Многовековая экспансия сектантства — это эскалация изуверства, оттачивающего стратегию порабощения человеческой личности, притом в возможно тесном контакте с известными вневременными сила-

ми. Мировое сектантство — это структура, идеально приспособленная для того, чтобы стать непосредственным проводником сил трансцендентального зла.

Сегодня все человеческое общество поделено идеологами и духовными предводителями сект на сферы влияния, все человеческие несовершенства “классифицированы” — как в личном, так и в общественном плане. Сектантство — это слаженно работающий духовный институт, кажущаяся разрозненность отделов которого — лишь прикрытие. Здесь в рамках общего плана все реализуют себя в своей области: одни — в поползновениях ищущего разума, иные — в его деградации; одни — в неизжитых страстях, иные — в гордыне видимости их преодоления; одни спекулируют на естественном стремлении разрозненного человеческого общества к единению, другие — на столь же естественном стремлении его части к обособлению и сохранению индивидуальности.

Можно было бы вывести строгое соотношение между видами потенциально возможной патологии личности и формами сектантства. Кроме того, по этому поводу возникают ассоциации с миром хищников, участвующих в “естественном отборе”. Только здесь подобное происходит в духовно-психологическом измерении.

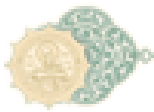
Но поскольку сектантство паразитирует на религиозном миропонимании, предполагающем переход человеческих исканий в сферу сакрального (где и проявляются лучшие чаяния или, наоборот, предельно пагубные заблуждения), то и последствия искажений религиозного сознания непредсказуемы. Специалисты, изучающие проблему сект, хорошо знакомы с людьми — даже с целыми сообществами, — о какой бы то ни было духовной или психологической реабилитации которых даже не приходится говорить (хотя попытки реабилитации продолжаются), настолько глубоко поражена в таких случаях человеческая личность.

О сектантстве сегодня существует довольно много информации, и потому поучительно взглянуть на эту проблему не совсем традиционно — через общество, социум.

Естественно, что общественное мнение относится к сектантству как к аномалии. Поскольку само понятие “аномалия” предполагает отклонение от нормы, то “эталон” выступает собственно общество, его более или менее устоявшийся уклад. Но какова эта норма? И где сегодня это нормальное общество, способное служить “эталон” в данном случае?

Рассматривать сектантство лишь в ракурсе того, что выходит за общепринятые нормы социального поведения, будет нонсенсом, так как значительная часть сект претендует на создание некоего социального “эталона” в плане нравственности. Более того, множество сект порождены именно явными или скрытыми аномалиями самого общества: вполне логично, что часть граждан не желает жить в согласии с его очевидными уродствами. Именно стремление к так называемой “чистой жизни” во многих случаях является внешней причиной присоединения к секте, и, если не рассматривать духовную подоплеку этого процесса, факт того, что в определенном отношении часто эта жизнь действительно чище, чем общественное бытие, — неоспорим. Общество, погрязшее в немислимых страстях, возмущается гипертрофированным аскетизмом сектантства. Естественно предположить, что извращенная мораль восстает против любого нежелания в ней участвовать, неважно — идет ли здесь речь о секте или о чем-либо другом. То, что происходит в сектантстве, — действительно аномалия, но каковы побудительные причины, лежащие в основе общего критического отношения к ней секуляризованного общества? Там — воздержание до вырождения, здесь — разгул страстей, и тоже до вырождения. Но там — лишь доли процента от всего населения. Если бы история Украины как православного государства не требовала к себе определенной степени уважения, та же общественность таким же образом возмущалась бы, к примеру, и православным постом. И возмущается — лишь не столь откровенно.

Да, очевидные уродства и аномалии сектантства страшны, но самое страшное в нем не то, что очевидно, а что идеально маскируется под потенциально лучшее в общественной морали. Именно за еще не

утратившими человеческий облик людьми сектанты и устраивают охоту.

Мир требует изменений — это очевидно. Желаящая этих изменений часть общества в поисках выхода идет вслед сектантским новациям по реконструкции мира, а та часть, которую все в этом мире устраивает, закономерно погружается и дальше в его клоаку. Но может так случиться, что эта последняя часть находится все же в лучшем положении... Таков страшный парадокс нашего лицемерного времени.

Секты и так называемые нетрадиционные духовные течения необходимо четко разделить на те, в которых имеют место явные извращения относительно действительно позитивных норм человеческого поведения, и те, которые разными путями стремятся исправить ставшие нормальными аномалии самого общества. Кому-то это покажется парадоксом, но именно последние представляют собой особую опасность в связи с трудностью распознавания их истинной сущности, что возможно только с позиции неложного духовного разумения. Какими бы успокоительными ни казались какие-либо их позиции, никакого добра ни в каком значении и ни в какой секте нет и быть не может (только разве в той мере, в которой оно существует, нестребимое до конца в человеческой душе).

Сектантство отражает как позитивные, так и негативные явления общественной жизни, но и то, и другое имеет в секте особую природу. То, что в обществе может считаться добром, в секте, как правило, — прикрытие зла; то, что в обществе является злом, отклонением от все же существующей нормы, — в секте соответствует ее духовной основе.

Секты также нужно разделить на те, в которых существует тенденция обособления от социальной среды, и наоборот, обращенные к социуму и именно в нем реализующие свою идеологическую доктрину.

Идеологическая (культовая) зависимость является актуальным вариантом адиктивного поведения человека. Ее своеобразие состоит в том, что отход от действительности путем осознанного (или неосоз-

наваемого) изменения психического состояния с помощью включения в идеологическую (культовую) активность в конечном счете приводит к возникновению посттравматического стрессового расстройства.

Адикция содержит черты зависимости от алкоголя, наркотиков или азартных игр, и в то же время состояний, возникающих при экстремальных ситуациях. После реализации мотива достижения появляются состояния, близкие к эйфории (в некоторых культах называемые “притоками”), а эквивалентом абстинентного синдрома становятся острые посттравматические проявления с последующим развитием фанатичного поведения. Это соединение характеристик адикции и виктимности позволяет именовать людей, втянутых в идеологическую (культовую) активность, “зависимыми (жертвами)”.

Идеологическую (культовую) зависимость вызывает любая организация (политическая, религиозная или психотерапевтическая), которая, практикуя обманную вербовку, прибегает к контролю сознания, чтобы сохранить зависимость и покорность последователей лидеру и учению (доктрине). Это сообщает зависимости деструктивный характер, сближая ее с формами саморазрушающего поведения.

В современном мире к подобным организациям специалисты чаще всего относят: “Церковь Унификации” (Муна), “Аум Сенрикё”, “Сайентологию” (“Дианетику”) Рона Хаббарда, “Харе Кришна” (“Международное Общество Сознания Кришны”), “Трансцендентальную Медитацию” Махариши Махеш Йоги, секты Раджниша (Ошо), Шри Чинмоя, Свидетелей Иеговы, организацию “Хамаз”, “Лайфспринг”, “Белое Братство”, “Церковь последнего завета” (Виссариона), “Богородичный Центр” (“Марианская Церковь”), “Церковь Сатаны” Лавей и др.

Психологи прогнозируют рост деструктивных культов и в будущем, опираясь на ряд следующих факторов:

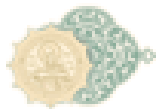
- растущее влияние парапсихологии, оккультизма, различных техник медитации, йоги, магии и колдовства;
- повышенный интерес к древним эзотерическим учениям, а также восточным учениям и религиям;

- возвращение к культам, основанным на языческих традициях;
- деструктивные проявления посттоталитарного сознания;
- растущая потребность у большинства населения в психотерапевтической и психологической помощи в травмирующих условиях социальной трансформации.

Распространение идеологической (культуовой) зависимости связано с тем, что коллективное бессознательное несет в себе обладающую очень сильной энергией нуминозную (религиозную) функцию. Она обнаруживается в совершении невольных действий, которые захватывают человека и ставят его под ее контроль. Эти действия осуществляются под влиянием архетипов коллективного бессознательного, в частности архетипа Мудрого Старца, на который проецируются скрытые желания людей.

Харизматический лидер, воплотивший проекцию архетипа Мудрого Старца, выступает в ролях Божества, Кумира или Господина, превращается в гипнотическую фигуру. Он наделяется сверхъестественной силой и властью, чрезвычайной мудростью, правом наказывать или миловать по своему усмотрению. Он вызывает страх и покорность адептов, готовых по одному его слову совершить все, что будет приказано. Ассимилировав многочисленные проекции, лидер создает свой собственный, отражающийся в символической форме миф, а позже и культ. Если в нуминозном преобладают разрушительные влияния, то и культ становится деструктивным.

КОНТРОЛЬ СОЗНАНИЯ в деструктивных культах достигается использованием добровольного участия и сотрудничества неопита. С целью формирования зависимости от “добрых” людей, новых друзей, “братьев” активно используется эмпатия — таким образом, постепенно, незаметно трансформируется идентичность человека. Новые установки и верования заменяют субъективные характеристики личности, в результате, как при любой зависимости, от нее остается лишь оболочка. При этом для близких такая перемена долгое время бывает практически незаметной. Немаловажно, что наиболее привлекательными рекрутами для культуовой (идеологической) зависимости

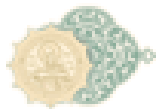

становятся люди с своеобразными чертами характера, проблемами личности и психического развития, переживающие социальное неблагополучие или психологический кризис.

Контроль сознания несколько отличается от известной тактики “промыывания мозгов”, которая имеет более принудительный характер. Этот контроль распространяется на четыре главные сферы деятельности человека: поведение, информацию, мышление и эмоции.

КОНТРОЛЬ ПОВЕДЕНИЯ достигается регламентацией и ограничениями пространства и времени деятельности зависимого (жертвы): ему жестко предписывается, где и с кем жить, какую одежду и прическу носить, чем питаться, какой диеты придерживаться, сколько спать. Важной является финансовая зависимость: личные материальные ресурсы сразу или позже становятся достоянием организации. Большая часть времени посвящается прямому или косвенному участию в жизни общины и коллективных ритуалах, часто довольно продолжительных (например, в виде ночных бдений, марафонов). Незаметно для зависимого (жертвы) вводится система наград и наказаний, жестких правил и приказов, которым необходимо следовать. В процессе контроля поведения подавляются любые проявления личной инициативы, даже самые простые поступки реализуются только после получения особого разрешения. Предписывается необходимость покорности и зависимости.

КОНТРОЛЬ ИНФОРМАЦИИ обеспечивается сведением к минимуму доступа к ее источникам, прежде всего к газетам, радио, телевидению, запрещением контактов с теми, кто вышел или был изгнан из организации. Одновременно зависимого погружают в культовую активность настолько интенсивно, чтобы не оставалось ни минуты времени для удовлетворения каких бы то ни было личных потребностей. Многократные повторения лживых утверждений создают иллюзию соответствия действительности. Информация внутри организации строго дозируется и дифференцируется: каждый член общины проинформирован лишь о том, что должен знать

в соответствии со своим местом в иерархии и со степенью “посвящения”.

Поощряется слежка за другими “братьями”, в общине создается целостная система доносительства и круговой поруки. каждый следит за другими и вовремя сообщает об отклонении в поведении руководству, что субъективно воспринимается как коллективная ответственность. Основная информация поставляется специальными источниками, функционирующими непосредственно в общине: журналами, газетами, аудио- и видеозаписями, чаще всего производящимися самими членами общины. Мощным средством окончательного разрушения идентичности человека, а также контроля сознания и манипулирования поведением является обязательная исповедь.

КОНТРОЛЬ МЫШЛЕНИЯ. По мере того, как доктрина лидера общины представляется адепту более непогрешимой, совершенной, абсолютной, снижается уровень критичности его мышления. Сознание адепта постепенно расщепляется. Окружающий и внутренний мир описываются с помощью полярных категорий: черное — белое, добро — зло, друзья — враги, мы — они. Мир становится предельно поляризованным. При этом членам общины внушается, что сами они являются носителями божественного, светлого, совершенного, истинного, абсолютно справедливого Свобода выбора, как в типичной суицидальной ситуации, суживается до двух вариантов: или служить добру — или погибнуть.

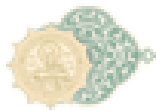
Языковое пространство предельно нагружается формами, имеющими суггестивные значения (стереотипными метафорами, короткими, четкими командными фразами, молитвами, заклинаниями, медитативными формулами, мантрами). Визуальное пространство насыщается ритуальными знаками — метками сакрального. Активно используемая музыка, звуковые сигналы (например, звон колокольчиков), сильные ароматические вещества — все это в совокупности, воздействуя на органы чувств, мешает адепту сосредоточиться, анализировать, размышлять. Собственные мысли как бы выталкиваются за пределы культового “поля”, адепт все время находится в прос-

транстве, обозначенном культовыми метками. Это состояние очень близко к трансному. Для ускорения этого процесса используется аутизация мышления (желаемое принимается за действительное) и особые выразительные средства: монотонное произнесение слов, пение или гудение.

КОНТРОЛЬ ЭМОЦИЙ, как и в случае мышления, проводится благодаря сужению их спектра. Свобода переживаний не допускается, разрешаются только строго определенные чувства и эмоции. Прежде всего, адептов приучают постоянно чувствовать собственную вину, которую постоянно преувеличивают. Чувство вины, являясь наиболее фундаментальным, “базовым” чувством, служит основанием новой субъективности. Постепенно возникает ощущение вины за то, что в прошлом адепт имел собственные (а значит, греховные) мысли, чувства, склонности и поступки. Затем формируется чувство вины за то, что такие же чувства, верования, поступки все еще имеют его друзья, родственники, близкие. При различных формах идеологической зависимости может быть использована также социальная или историческая вина. Переживание собственной вины, вины близких, вины своей нации или государства, вины всего человечества, взаимно подпитываясь, формируют угнетенное, подавленное, мрачное состояние.

Второй базовой эмоцией является страх, являющийся таким же мощным инструментом подавления позитивных эмоций и манипуляции психикой адепта. В расщепленном, полярном мире, где отсутствуют переходы и полутона, бояться следует всего: реальности, врагов, собственных мыслей, чувств, поступков и т. д. Вина и страх являются важнейшими компонентами культовой практики, в процессе которой руководители общины, умело воздействуя на сознание адептов, добиваются “пиковых” переживаний. Для снятия колоссальной эмоциональной нагрузки используются публичное раскаяние и признание грехов. Чувство облегчения, которое возникает в результате раскрепощения, становится средством психологического “привязывания” адепта к руководителям общины.

Третьей базовой эмоцией является **“счастье”**. По сути, у адептов это чувство имеет мало общего с искренним человеческим переживанием счастья и скорее напоминает **экзальтированное воодушевление**. Для адепта оно связано исключительно с тем, что соотносится с деятельностью общины.

Контроль эмоций связан с потребностью в **“балансировании”** между этими базовыми чувствами. Умело погружая адептов попеременно в каждое из состояний, руководители секты постепенно укрощают их эмоциональную сферу.

Как указывает американский исследователь деструктивных культов Стивен Хассен, формирование механизмов контроля сознания включает три этапа. разморозку, смену, замораживание.

1. “РАЗМОРОЗКА”. На первом этапе психика человека вводится в состояние аморфности, собственная идентичность ставится под сомнение. Для этого обычно применяются методы дезориентации, сенсорной депривации, или перегрузки, манипулирования с физиологическими ритмами, нарушения режима сна и бодрствования, изменения физиологических потребностей. Психологический дискомфорт достигается невозможностью адепта остаться наедине с самим собой.

В культовой практике широко используются такие гипнотические феномены, как визуализация, притча, метафоры, намеки, медитация, псалмопение, пение и т. д. Ритуальные тексты и форма их предъявлений однозначно являются суггестивными. Они обязательно содержат достаточно неизвестных или малопонятных слов, которые отвлекают сознание человека, в то время как бессознательному даются продуктивные инструкции.

2. “СМЕНА”. Второй этап — постепенное навязывание новой идентичности формальным (в ходе обязательных ритуалов) и неформальным (во время приятельских бесед, добровольной помощи) способами. Инициация связывает новую идентичность с новым образом **“Я”**, новым именем и новым образом жизни. Адепт должен **“умереть”** для прошлой жизни и **“возродиться”** к жизни новой. Для этого продолжают использоваться разнообразные техники, способные на

бессознательном уровне модифицировать и контролировать сознание.

3. “ЗАМОРАЖИВАНИЕ”. На третьем этапе происходит консервация новой идентичности и полный отказ от старого “Я”, что достигается насильственным отделением прошлого, отказом от собственности и переходом к активной культовой деятельности, вербовке, выполнению других задач организации. При этом акцент делается на все, что связано с новой идентичностью: имя, одежда, язык, “семья”. Консервация поддерживается активным участием в обучении и семинарах.

Типичными проблемами зависимых (жертв) является нарушение идентичности в виде фанатичного, зависимого, страдательно-агрессивного или множественного расстройств личности. Фанатичное поведение обусловлено слепой преданностью доктрине и нетерпимостью к другим взглядам и обладает похожей с суицидальной заразительностью, передаваясь другим людям или группам населения и приводя к непрогнозируемым, социально опасным, разрушительным действиям.

Общественное мнение зачастую возмущается той или иной формой экстремальной аскезы, часто имеющей место в сектах. Но аскеза сектантов часто лишь копирует лучшие религиозные традиции, имея при этом обратный вектор. Но чтобы это понять, необходима серьезная опора, и в данном случае такой опорой может быть только неповрежденная вера. Однако те же негативные моменты, которые имеют отношение к сектантской аскезе, могут иметь место, когда речь идет и об аскезе православной. Все зависит от того, кто рассматривает эту проблему и зачем.

Можно совершенно точно обозначить причину подобных “нарушений”: пост утончает духовное восприятие, способствуя более тесному контакту с духовными силами, причем с любыми. Если в богооткровенной религии речь идет о приближении к Богу, в том числе и посредством здоровой аскезы, то вне ограды Церкви абсолютно та же “технология” ведет к прямо противоположному. Вот и все. Все

остальное: так называемая “агрессивная диета”, подверженность психическим воздействиям и т. д. — лежит между этими двумя “константами”, хотя для людей, неискушенных в религиозных вопросах, внешне все выглядит одинаково. Эти тонкие нюансы большинству не видны, ведь возмущающееся общество — в основном атеистическое...

Относительно сект, удаляющихся от мира, можно сказать, что человек имеет право жить где хочет и строить свой быт по своему усмотрению. Однако здесь тот же принцип: внешне как будто так же поступали и святые, но ответ на вопрос “во имя чего” был совсем иным.

Болезнь здесь одна, и выявить ее чрезвычайно сложно, особенно когда оценку этим явлениям дает нерелигиозное общество. Понятно, что социальная среда возмущается социальными же аномалиями и что именно они являются темой дискуссий и обсуждений. Но ведь основная стратегия сектантства — духовная, и именно с этой стороны выстраивается его фронт. И это в то время, как общественность полностью дезориентирована в духовных вопросах. Поэтому вопрос, насколько понята истинная, внутренняя сущность сектантства, а также побудительные причины его внешней (социальной) тактики и стратегии — более чем существенный. В ответе на него заключается и фактор иммунитета против агрессии, о которой идет речь. И это особо касается среды “околорелигиозных атеистов”, реализующих себя на антисектантской ниве.

В данной проблеме существенны духовные категории, где, в первую очередь, страшны сектантская психология и мировоззрение, ибо именно они являются предтечей последующего духовного и психологического порабощения — худшего из всех известных форм рабства. А сим, увы, обладает уже большая часть “мирового сообщества”. Но и это — поверхностные области сектантского бастиона, где есть более существенные сферы, которые и являются источником главной духовной опасности. Именно об этих глубинах, взывая к нашему разуму, говорят святые отцы, открывающие нам меру тайн этого неприглядного мира, чтобы, зная о нем, мы поостереглись.

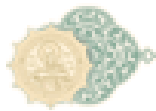

К сожалению, по многим признакам можно сделать заключение, что мы сегодня очень далеки от понимания этих глубинных процессов, от той брани, которую вели православные отцы, руководствуясь словами апостола: “Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных” (Еф. 6, 12). Это борьба с человеком, против человека...

Роль сектантства и отношение к нему на Западе и у нас, в Украине, по идее, должны быть кардинально различны. По крайней мере пока, хотя благодаря некоторым сектоведам и общественным деятелям на этой ниве уже образуется некоторая схожесть.

Когда некоторые отечественные сектоведы предлагают в качестве панацеи разработки тех же американских специалистов, это похоже на то, как некоторые отечественные психологи предлагают для решения жизненных проблем людям славянской, православной духовной и ментальной ориентации психологические “американизмы”, которые уже, мягко говоря, “заштамповали” весь мир. А если вернуться к теме об “эталоне”, то можно сказать следующее: самые опасные “позитивные”, т. е. труднораспознаваемые формы сектантства аномальны и аморальны только относительно морали и культуры православной и в некоторой степени католической (ее консервативного слоя, где еще сильна культурная традиция). В подавляющем большинстве сектанты — противники всякой культуры как устойчивой формы. Как правило, это явные или замаскированные духовные космополиты, что не может не вызвать реакцию автохтонов любой древней культуры. Но и здесь между реакцией культурного плана и плана вероисповедального существует значительная разница...

Единственное, на чем еще как-то держится позитивная позиция сектоведов Запада — это на возможности различения сектантского лицемерия и того христианства, которое там еще осталось, претерпевая дальнейшие “реформы”. В то время как западное христианство теряет последние крохи апостольского наследия, все формы современного сектантства, непостижимо быстро приспособившись к “ре-

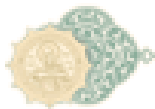
формам”, обретают единую псевдохристианскую основу. А подобная тенденция, по святоотеческому учению, и является одним из главных признаков последней мировой религии. Как отличить христианскую ересь от истинного христианства, к примеру, той же религиозной Америке, представленной грандиозным сектантским собранием, — стране, собственно, и начавшейся с сектантских поселений?..

Отличить добро от зла и ересь от истины возможно только там, где есть еще Православие — наследие апостольского христианства. Ведь там, где сохраняется православная традиция — есть и “эталон”. Для всего остального мира секты являются лишь временной и очень условной аномалией, зависящей лишь от степени их приспособляемости к общественному мнению.

Итак, процесс идет: секты на социальном уровне трансформируются в общество, лицемерно приняв там, где нужно, правила “общезжития”; общество духовно становится “мегасектой”, воспринимая и ассимилируя соответствующую идеологию и духовность. Ибо, растворяясь в заведомо атеистической или псевдорелигиозной среде, секты всей своей значимой удельной массой вносят в ее уже “предрасположенный” организм убийственный по своему воздействию духовный импульс.

Необходимо особо отметить борьбу, которая разворачивается в самом сектантском кругу. С одной стороны, образуется явная тенденция сближения и нивелирования всех его форм, с другой — секты же поднимают голос против “сектантской опасности”, как известные наперсточники на улице, работая “на один котел”. Сектантские образования протестантского (или “неопротестантского”) толка стали играть в этом процессе особую роль, пользуясь своей “близостью” к “традиционному” христианству. Но сущность сектантства одна, она и “правит”, умно и соразмерно.

Необходимо осознать следующее: главные потоки сектантской экспансии во главе с New Age уже преодолели социальный барьер. Более того, именно они становятся на страже социальной морали нового мирового порядка и нового общества, которое будет достойно

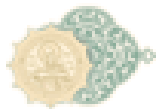

лидера последней мировой теократии, давно известного истинному христианству...

Секты всегда являлись неизменной тенью всех форм политических конфликтов, выступая, как правило, в роли коллаборационистов. Естественно, что сектантская угроза имеет в своем арсенале практический опыт мировых революционеров всех мастей: история Французской революции и трагедия 1917-го как никогда более поучительны и актуальны сегодня — те же силы, те же методы, только еще более универсальные. Лозунги, что удивительнее всего, также практически не меняются. “Единение...”, “единство...” — все формы этого понятия, вне его апостольского понимания, онтологически связаны в своем противостоянии именно апостольскому его определению. “Единый бог” у сектантов и язычников, оккультные понятия “единого”, призывы к “единению” у социалистов и коммунистов и, наконец, “единое информационное пространство” у современных наукообразных реформаторов — все это отражает лишь разные понятия одного и того же губительного заблуждения. И история, особенно история “объединенных пролетариев”, говорит об этом более чем ясно... В соответствии с принадлежностью этих выражений к своим понятийным пантеонам реализуется и их практическое применение. Секты и деструктивные культы, с одной стороны, и революционеры и иные известные истории “реформаторы”, с другой — осуществляют единую программу, каждый на своем уровне — духовном или социальном.

Нетрадиционные деструктивные религиозные объединения в Украине нарушают следующие права и свободы граждан:

1. Право на информацию. Неокульти при вербовке скрывают полную информацию о себе, используя ширму конфессиональной анонимности. С одной стороны, не являясь христианскими, они усиленно используют христианскую символику, с другой — регистрируясь как благотворительные, образовательные, культурно-просветительские или психотерапевтические организации, они скрывают за внешним фасадом свою религиозную сущность. Некоторые вообще отрицают свою причастность к религиозной организации.

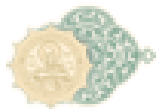
2. Право на свободный выбор религиозных взглядов, ибо в своей практике неокульты используют методы недирективного и экспресс-гипноза, социального давления, психологического заражения, особые суггестивные методики. Человека, попавшего в организацию, без его ведома подвергают жесткому контролю (сознания, эмоциональной сферы, поведения, социальных связей), используют изоляцию, манипулирование временем и вниманием, оказывают позитивное и негативное давление, запрет на высказывания, не совпадающие с общей концепцией группы, ограничение сна, протенина, внушение страха, вины, развивают эмоциональную зависимость.

3. Нарушается принцип светского образования, когда с официального разрешения администрации учебных заведений под видом лекций о вреде наркотиков, о здоровом образе жизни, о подготовке к семейной жизни, о продвинутых методах и формах психического и духовного самосовершенствования члены неокультов проводят активную пропаганду собственных религиозных взглядов.

4. Влияние на политический выбор. Известны случаи, когда руководство неокультов навязывает своим адептам те или иные политические решения при участии в голосовании на выборах и референдумах, продвигает себя или собственных ставленников в депутаты советов самых различных уровней. Для этой цели создаются "инициативные группы граждан", которые действуют наиболее активно и совершенно бескорыстно.

5. Нарушаются права родителей участвовать в нравственном воспитании своих детей, нести за них ответственность. В первую очередь это касается подростков, попавших в такие организации.

6. Нарушение имущественных прав, когда в фонд организации передаются квартиры, автомобили, денежные сбережения, часто члены общины бесплатно трудятся на строительстве или ремонте молитвенных домов и домов пасторов, в производственных "филиалах" организации. Это может быть школа, в которой учителя не получают зарплату, или выпечка и продажа сдобы, распространение пропагандистской литературы, выпуск газет, изготовление печатной продукции и т. д.

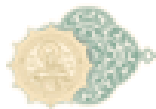

7. Нарушение права на свободу передвижения.

8. Лишение вообще всех прав. Попадая в жестко структурированную организацию в полную зависимость от лидера и его окружения, адент может “добровольно” отказаться вообще от всех прав.

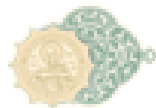
9. Экономический вред государству неокульты наносят, занимаясь подпольным производством различной продукции, незаконной финансовой деятельностью.

10. Посягательство на государственную безопасность. Члены сект активно стремятся пробиться в органы власти или стать около нее, лоббируя выгодные для себя решения.

Используемая литература:

1. Неокульты и “новые религии” века. — Минск, 2002.
2. Кураев А. Сатанизм для интеллигенции. — М., 1997.
3. Нарижный Ю. А. Неорелигии как социокультурный феномен. — Днепропетровск, 2004.
4. Адливанкин И. Нашествие. В окружении сект и оккультизма. — М., 2004.
5. Деструктивные психотехники / Под ред. И. Митрофановой. — М., 2004.
6. Хетчер У., Мартин Д. Новая мировая религия — СПб., 1994.
7. Элиаде М. Словарь религий, обрядов и верований. — М., 1997.
8. Секты против Церкви (процесс А. Дворника). — М., 2000.
9. Петрик В. М., Сьомин С. В., Ліхтенштейн С. В., Остроухов В. В. // Нетрадиційні релігії та містичні культури України. — К., 2003

Труди Київської Духовної Академії

Редактори — О. Головіна, І. Коворіз, Л. Лисенко

Коректори — Л. Несена, О. Скринник

Комп'ютерна верстка — С. Кононенко

Підписано до друку — 24.05.07

*Видавничий відділ Української Православної Церкви
01015, м. Київ, вул. Січневого повстання, 25, корпус 39.
Тел.: (044) 255-12-09, факс: (044) 254-48-63,
e-mail: IzvidditUPC@online.com.ua*

*Друк: Видавничий дім «АДЕФ-Україна»
01030, Київ, вул. Богдана Хмельницького, 32, оф. 40-а
тел. (044) 235-33-03, 235-94-31
<http://www.adef.com.ua>
e-mail: adef@adef.com.ua*